

А. А. Казаков

**Волоколамский инок Арсений Невежа: факты биографии
в контексте событий первой трети XVI в.**

УДК 94(47):271.2-788(092)+930.23
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_134
EDN HTFTVI

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению свидетельств о волоколамском постриженнике Арсении Невеже из рода Квашниных. Автор привлекает широкий круг источников, среди которых агиографические сочинения, летописи, акты, вкладные книги, родословные росписи. Впервые вводится в научный оборот Обиходник Волоколамского монастыря начала 1530-х гг. Выявленные факты используются для реконструкции вех биографии волоколамского инок. Свидетельства источников позволяют сделать вывод о его связях с великим князем Василием III и, возможно, с двором его младшего брата, удельного князя Дмитрия Углицкого. Определяется предполагаемая дата иноческого пострига Арсения и время его кончины. Вехи мирской биографии оказали влияние на его жизнь в Волоколамском монастыре, благодаря чему повествования о нем сохранились в составе жизнеописаний прп. Иосифа Волоцкого.

Ключевые слова: Иосифо-Волоколамский монастырь, род Квашниных, Василий III, удельный князь Дмитрий Углицкий, прп. Иосиф Волоцкий, агиография, поминальные практики.

Об авторе: **Александр Александрович Казаков**

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН.

E-mail: ksandr.kazakov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8506-3737>

Для цитирования: Казаков А. А. Волоколамский инок Арсений Невежа: факты биографии в контексте событий первой трети XVI в. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 134–149.

Статья поступила в редакцию 07.03.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 21.07.2025.

Alexander Kazakov

**Volokolamsk Monk Arsenius Nevezha: His Biography
in Historical Context of the First Third of 16th Century**

UDK 94(47):271.2-788(092)+930.23
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_134
EDN HTFTVI

Abstract: The article is devoted to study of evidence about the Volokolamsk monk Arseny Nevezha from the Kvashnins' kin. The author uses a wide range of sources, such as hagiographic writings, chronicles, acts, donation books, genealogical sources. The list of Every Day Rules of the Volokolamsk Monastery of the early 1530s is became available for studying for the first time. The revealed facts are used to reconstruct the biography of the Volokolamsk monk. The sources allow us to conclude that he had connections with Grand Prince Vasily III and, possibly, with the court of his younger brother, the appanage prince Dmitry of Uglitch. The supposed date of Arseny's monastic tonsure and the time of his death are determined. The milestones of his secular biography influenced on his life in the Volokolamsk Monastery, so the tales about him have been preserved as part of the biographies of venerable Joseph of Volokolamsk.

Keywords: Joseph Volokolamsk Monastery, Kvashins' Kin, Vasily III, Appanage Prince Dmitry of Uglitch, Joseph of Volokolamsk, Hagiography, Commemorative Practices.

About the author: Alexander Kazakov

Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Center for the History of Religion and Church, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences.

E-mail: ksandr.kazakov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8506-3737>

For citation: Kazakov A. Volokolamsk Monk Arsenius Nevezha: His Biography in Historical Context of the First Third of 16th Century. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 134–149.

The article was submitted 07.03.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 21.07.2025.

Разыскания о судьбах насельников русских монастырей первой половины XVI в. ставят перед исследователем непростую задачу, связанную с неполнотой доступных сведений. Очевидно, от большинства иноков, даже подвизавшихся в крупнейших обителях, сохранилось в лучшем случае имя, записанное в монастырский синодик, немногие оставили о себе след в актовом материале, некоторые известны благодаря своей работе в монастырских скрипториях и совсем малая часть — по причине продвижения в церковной иерархии, которое могло отразиться в летописании. Набор источников весьма скуден, но иногда из этого правила бывают счастливые исключения. Об одном из них и пойдет речь ниже.

Инок Арсений Невежа, в миру Андрей Данилович Жохов из рода Квашниных¹, не принадлежал к сколько-нибудь заметным представителям братии Иосифо-Волоколамского монастыря. Его нельзя назвать выдающимся книжником, ибо из связанных с его именем манускриптов в описи монастырской библиотеки 1545 г. значится единственный список святцев². Арсений не оставил заметного следа и в управлении монастырем и, по всей вероятности, не был «преимушчим» или соборным старцем. Тем не менее, несмотря на свою «заурядность», Невежа, не будучи непосредственным постиженником и учеником первоигумена, тем не менее, оставил о себе известия в агиографических текстах, посвященных прп. Иосифу Санину.

Об иноке Арсении упоминает Досифей Топорков в Надгробном слове прп. Иосифу (1530-е гг.)³, а составитель минейного Жития (середина 1540-х гг.), епископ Крутицкий Савва Черный, многие годы подвизавшийся на Волоке, включает в состав своего труда пространную повесть «О Андрее Квашнине, пореклу Невежа»⁴. Рассказы о «боярине», принявшем иноческий постриг, носят сугубо назидательный характер, различаясь у Досифея и Саввы лишь количеством подробностей. Очевидно, Савва Черный, труд которого появился спустя десятилетие после создания Надгробного слова, использовал материалы своего предшественника⁵, дополнив их фактами, очевидцем которых он был.

Свидетельства агиографов сводятся к следующему. Некогда в Иосифовом монастыре постригся Андрей Невежа Квашнин, «иже бе от славных мира», как характеризует его Досифей, или «боярин», как его называет Савва. Причиной пострига была тяжелая болезнь, которая в монастыре отступила. Почувствовав облегчение, новоявленный монах решил вернуться к привычному мирскому обиходу: «и нача ризами украшати и во всем лишнее хотя, а не яко вся братия живут». Увещевания

¹ В литературе можно встретить сомнение в существовании «источника, где бы фигурировало» родовое прозвище Арсения «Жохов» (*Дайкстра Т.* Иноческие имена на Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // *Именослов. Историческая семантика имени.* Вып. 2. М., 2007. С. 252). Но в одном из волоколамских синодиков имена Арсения и его рода, отца инока Иакинфа, матери инокини Натальи и жены инокини Улиты, записаны с пометой «Жох» (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 561. Л. 14), под которым следует разуметь прозвище «Жохов».

² Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. // *Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности.* Л., 1991. С. 35.

³ Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его Досифея Топоркова // *ЧОЛДП.* 1865. Кн. 2. Приложения. С. 178–179.

⁴ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким // *ЧОЛДП.* 1865. Кн. 2. Приложения. С. 68–72.

⁵ По замечанию А. И. Плигузова, «Савва Черный в предисловии к житию, “забывая” о своем предшественнике, чью работу он знал и цитировал, называет минейную биографию первым жизнеописанием Иосифа» (*Плигузов А. И.* Вторая редакция минейного жития Иосифа Волоцкого // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.* М., 1984. С. 29).

настоятеля и «преимуществей» братии имели лишь временный успех: покаявшись в нарушении устава, Невежа вскоре взялся за старое, а потом и вовсе «нача проситися в обитель святаго чудотворца Кирила». В конце концов Арсений отправился на Белозеро, но сначала посетил в Москве великого князя. Василий III «явился ему... яко чадолюбивый отец, и кротким гласом и любовным словом вопросы о здравии и зва ясти». Если Савва Черный не преувеличивает, статус Андрея Даниловича Квашнина в миру был достаточно высок, поскольку он пользовался великокняжеским расположением. Но попытка «державного» призвать инока Арсения к послушанию волоцкому настоятелю была тщетной, и через какое-то время Невежа прибыл в Кирилло-Белозерский монастырь. Там с ним случился удар, «разслабление тела и языку онемение». «Сродичь» Арсения Квашнина, известный кирилловский старец Гурий Тушин поспешествовал тому, чтобы болящего отправили обратно на Волок, где тот исцелился у гроба прп. Иосифа Волоцкого и с тех пор пребывал в послушании у игумена и старцев⁶. Мораль этой истории емко, но кратко передал Досифей Топорков: по его словам, «от сего яве есть», что старец Иосиф «и по смерти паче живет и чудодействует».

Как видим, агиографы начинают изложение с момента пострига Андрея Даниловича в Иосифо-Волоколамском монастыре, но, очевидно, связи между Квашниным и обителью имели предысторию. Свидетельство тому — данная грамота, по которой Невежа пожаловал игумену Иосифу с братией сельцо Темниково и деревню Лучниково в Рузском уезде; монахи, в свою очередь, обязались поминать родителей вкладчика, а по его кончине — и его самого, и совершать по ним два заупокойных корма в год⁷. С. Б. Веселовский датировал составление грамоты весьма широко, концом XV — началом XVI в., заметив, что переданные в Иосифов монастырь земли являются единственным свидетельством о вотчине Андрея Даниловича — он принадлежал к роду, «из которого выходили малоземельные и безземельные родовитые люди, готовые встать в зависимость от великого князя, удельных князей и иерархов церкви, чтобы получить средства к существованию»⁸.

⁶ Я. С. Лурье высказал предположение, что из-под пера возвратившегося на Волок Арсения Невежи вышло переписанное в одном из сборников Евфимия Туркова послание, которое могло быть обращено к старцу Гурию Тушину. С одной стороны, из обезличенного текста, не сохранившего имен автора и получателя, следует, что первый был отправлен в «киновию Иосифову» волею своего корреспондента, что, на первый взгляд, соответствует ситуации, которую описал Савва Черный. С другой стороны, составитель обращается к адресату не иначе как «пресвятый владыко», указывает, что «тръпети удаления от великого пастыря не возмогах», и надеется «близ быти великаго пастыря и того честное лице зрети». Все это, по мнению того же Я. С. Лурье, «говорит как будто о том, что адресат послания был епископом, а Тушин епископом не был», поэтому предложенная атрибуция выглядит не слишком обоснованно. Кроме того, автор, по всей вероятности, находился под каноническими прещениями: «Господа Бога ради, пречистый владыко, о Христове утробе умилисердися на мя грешнаго и недостойнаго, и приими мое окаанство на исповедание, и подай разрешение прогрешением моим, и сподоби причащения святых безсмертных Таинств Христовых» (*Лурье Я. С. Заметки к истории публицистической литературы конца XV — первой половины XVI в. // ТОДРЛ. 1960. Т. XVI. С. 463–465*). Последний факт и вовсе выходит за пределы тех известий, которые сообщает о Арсении агиограф. Развивая наблюдения Я. С. Лурье, следует обратить внимание на обширное «Послание некоего старца» — анонимный текст из волоколамского сборника содержит увещевания иноку, самовольно оставившему место своего пострижения (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1054. Л. 556–567 об.). «Ты же ошельничества ради испаде из своего монастыря», — пишет неизвестный старец (Там же. Л. 559 об.), но, очевидно, эти слова едва ли могли быть обращены к Арсению Невеже.

⁷ АФЗХ. Ч. 2. М., 1956. С. 43. № 42.

⁸ *Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 282–283.*

А. А. Зимин в комментарии к грамоте Андрея Квашнина отнес его вклад к 1508–1515 гг.⁹ Верхняя граница периода не вызывает вопросов, будучи основана на упоминании в тексте прп. Иосифа, который преставился 9 сентября 1515 г., однако нижняя граница, будучи результатом многоступенчатой реконструкции, сомнительна. Исследователь считает разумеющимся, что вклад был сделан при пострижении Андрея Даниловича, которое могло состояться не ранее 1508 г., поскольку в минейном Житии рассказ об Арсении Невеже помещен вслед за повествованием о князе-иноке Арсении (в миру Андрее Андреевиче) Голенине, а Савва Черный упоминает, что Квашнин принял постриг «в малѣ времени послѣ сего князя». Последнее известие о служилой деятельности князя А. А. Голенина относится к 1508 г. — очевидно, вскоре после того он принял постриг.

Против этих доводов можно привести следующие аргументы. Во-первых, сомнительно, что Невежа Квашнин пожаловал в монастырь сельцо с деревней при постриге или уже по его принятии: в тексте грамоты он назван своим мирским христианским именем и отчеством, Андрей Данилович. А вот Андрей Голенин, который, как сообщает Савва Черный, передал свои вотчины Волоколамскому монастырю при постриге или сразу вслед за ним, в тексте данной грамоты упомянут как «князь Ондрей Ондревич Голенин, в иноцех Арсеней»¹⁰.

Во-вторых, в древнейшей Вкладной книге в статье о пожалованиях Невежи он также фигурирует под мирским именем, на что обратила внимание Н. А. Казакова, которая, правда, вслед за А. А. Зиминым почему-то отнесла вклад Андрея Даниловича к 1508 г.¹¹ Кроме того, статье о вкладе Андрея Невежи предшествует запись о пожаловании монастырю Григорием Собакиным двухсот рублей, на которые были куплены деревни у Михаила Коровы Кутузова¹². Последний скончался не позднее середины 1504 г., поскольку в разъезжей грамоте, составленной в это время и определявшей границы удела князя Юрия Ивановича Дмитровского, упомянута деревня «Михайловых детѣи Кутузова»¹³ — последний факт, как рассудил сам А. А. Зимин, говорит о том, что Михаила Коровы к тому времени уже не было в живых¹⁴. Вслед за записью о вкладе Невежи Квашнина помещена запись о том, что князь Петр Никитич Оболенский дал на помин своей души три деревни в Рузе, позже к этому сообщению сделана приписка, согласно которой эти деревни старцы променяли у князя Юрия Дмитровского «на деревни же в Шепковской волости»¹⁵. Копия грамоты на эту сделку сохранилась, она содержит дату — 15 ноября 1507 г.¹⁶ Следовательно, записи о вкладах в монастырь вносились в хронологической последовательности, с позднейшими дополнениями, которые проясняли судьбу вкладов. Соответственно, данная грамота Андрея Даниловича Квашнина составлена не позднее 1507 г., а нижняя граница ее появления вполне может быть отнесена к концу XV в., как на то указывал С. Б. Веселовский. А. А. Зимин, усмотрев, вероятно, хронологические нестыковки в комментариях к изданию волоколамских грамот, впоследствии отнес постриг Андрея Невежи ко времени «после 1506 г.» — но и в этом случае исследователь продолжал придерживаться

⁹ См. примеч. 7.

¹⁰ АФЗХ. Ч. 2. С. 42. № 41.

¹¹ Казакова Н. А. Синодик Волоколамского монастыря // Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М., Л., 1960. С. 347.

¹² Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). СПб., 2004. С. 161–162.

¹³ ДДГ XIV–XVI вв. М., Л., 1950. С. 401. № 96.

¹⁴ См. комментарий к данной грамоте Михаила Глебовича Коровы Кутузова в: АФЗХ. Ч. 2. С. 15. № 9.

¹⁵ Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря... С. 162.

¹⁶ АФЗХ. Ч. 2. С. 39–40. № 37.

мнения, что данная была если не приурочена, то так или иначе связана с постригом А. Д. Квашнина¹⁷.

Наконец, в-третьих. В последней четверти XVI в. минейное Житие прп. Иосифа Волоцкого было переработано, в результате чего появилась так называемая третья редакция этого памятника¹⁸. Рассказ о Невеже, сохранившийся среди чудес в ее составе, неожиданно пополнился важной подробностью: «По преставлении преподобнаго отца нашего игумена Иосифа, при игумене Данииле, пострижесе некто в немощи от боярска рода, Андрей именем, зовомый Квашнин, и наречен бысть Арсений»¹⁹. Следовательно, начало иноческой жизни Андрея Даниловича нужно отнести ко времени не ранее 9 сентября 1515 г., когда окончил свой земной путь прп. Иосиф Санин, а на игуменстве в Волоколамском монастыре утвердился его преемник²⁰.

Впрочем, время пострижения Андрея Даниловича можно уточнить и отнести и к более позднему времени, началу 1520-х гг. Типографская летопись сохранила

¹⁷ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 113. Кроме того, ученый ошибался, полагая, что Андрей Невежа приходился правнуком Фоме Ивановичу Квашнину, который в 1489 г. был боярином князя Бориса Васильевича (Там же. С. 107. Примеч. 27). Родство Фомы Ивановича и Андрея Даниловича было иным: Фома Иванович приходился троюродным братом отцу Невежи, Даниле Родионовичу Жоху (Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 103–104). Фома и Данила Квашнины — очевидно, современники: первый в 1489 г. был боярином удельного князя Бориса Волоцкого, второй в 70-х — первой половине 80-х гг. XVI в. служил великой княгине Марии Ярославне. На эти факты указал сам А. А. Зимин: Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 171, 173.

¹⁸ Третьей редакцией это сочинение назвал А. И. Плигузов, отметив, что оно «включило в себя минейное Житие Иосифа, Надгробное слово, похвальное слово и оригинальные чудеса подвижника», а его создание было приурочено к общерусскому прославлению прп. Иосифа Волоцкого в 1591 г. (Плигузов А. И. Вторая редакция минейного жития Иосифа Волоцкого... С. 30; 49, примеч. 3).

¹⁹ ГИМ. Барс. 774. Л. 52; РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Л. 104 об.–105. На последнюю рукопись мне любезно указал А. А. Манохин, за что я искренне его благодарю.

²⁰ Разумеется, нельзя оставить в стороне вопрос о корректности уникальных свидетельств столь позднего памятника. Анонимный автор переделки минейного жития добавил в текст факты, отсутствующие у Саввы Черного, но известные из иных источников. Так, в третьей редакции появляется свидетельство, что мать игумена Иосифа, инокиня Мария, прожила в постриге 30 лет (ГИМ. Барс. 774. Л. 12; РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Л. 27 об.) — этого факта нет у Саввы, он заимствован из Надгробного слова Досифея Топоркова (Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому... С. 163). Также в третьей редакции появляется рассказ о строительстве в монастыре трапезной палаты с храмом Богоявления, начало которому было положено 9 мая 1506 г. (ГИМ. Барс. 774. Л. 33 об.; РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Л. 72 об.–73 об.), оно восходит к известию краткого летописца Волоколамского монастыря (Плигузов А. И. Летописчик Иосифа Санина // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 186). Но также текст содержит известие о сооружении в обители третьего каменного храма в честь Одигитрии «под колоколы» (ГИМ. Барс. 774. Л. 34; РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Л. 73 об.–74) — оно уникально и в иных сохранившихся источниках не встречается, но никаких сомнений не вызывает, поскольку возведение столпообразного храма вполне соответствует архитектурным тенденциям эпохи (Петров Д. А. Отражение в церковном строительстве 1510–1520-х гг. присоединения Василием III Пскова и Смоленска // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. Вып. 4 (24). С. 72–75). Схожим образом может обстоять дело и с указанием на постриг Невежи Квашнина в игуменство Даниила: такого рода уточнение не может быть отвергнуто лишь на том основании, что появляется оно в поздней переделке минейного Жития. Оно, хотя и не находит подтверждения в иных известных источниках, тем не менее, не противоречит рассказу Саввы Черного.

в своем составе пространный рассказ о преставлении в Угличе тамошнего удельного князя Дмитрия Ивановича Жилки, младшего брата «державного» Василия III. За несколько дней до кончины, которая прилась на 13 февраля 1521 г., князь Дмитрий отправил в Москву с вестью о своей тяжелой болезни Андрея Квашнина²¹. Вероятно, этот Андрей Квашнин либо служил удельному князю, либо как-то был связан с его двором. А. А. Зимин, разбирая состав двора в Угличе, отметил, что «некоторые бояре и именитые вотчинники Волоцкого удельного княжества переходили на службу на тягло Дмитрию Ивановичу»²². Исследователь имел в виду прежде всего князей Хованских, вотчины которых располагались в бывшем уделе князя Бориса Васильевича Волоцкого и его сына Федора Борисовича, занимая значительную часть территории Хованского стана по реке Хованке, которая и дала им родовое прозвище²³. Один из представителей рода, князь Андрей Федорович, присутствовал при составлении духовной Дмитрия Ивановича Углицкого накануне кончины князя²⁴.

Владения Андрея Невежи Квашнина, переданные в Иосифов монастырь, также располагались на территории бывшего Волоцкого удела, по берегам реки Большой Сестры²⁵, поэтому нельзя исключить возможности, что он мог быть в числе служилых землевладельцев, которые после смерти удельного князя Федора Борисовича в мае 1513 г. перешли на службу в Углич. Примечательный факт сообщил Савва Черный: когда инок Арсений вознамерился уйти из Иосифова монастыря, игумен и старцы стали вопрошать о причинах его решения, а Арсений, «не веде, что им и како отвещати», заявил, что жить на Волоке ему невозможно, поскольку «дети вскрай обители живут, не мочно ми спастися»²⁶. По всей вероятности, высказывание следует понимать так, что взрослые сыновья Андрея Даниловича жили где-то недалеко от обители и могли привносить в жизнь отца мирские начала, от которых тот отрекся при постриге²⁷. Сын Невежи, Федор, кроме того, что писал данную грамоту своего отца Иосифо-Волоколамскому монастырю, выступал еще и послухом в купчей 1514/15 г., поэтому, вероятно, на момент пострига Андрея Даниловича был вполне взрослым человеком. В купчей 1525/26 г. в качестве послуха упомянут другой сын Андрея Даниловича, Василий²⁸.

Впрочем, нужно учитывать, что род потомков Ивана Квашни к тому времени сильно разросся, и к тому же поколению, что и Невежа, принадлежали еще пять представителей Квашниных с именем Андрей. Это двоюродные братья Андрея Даниловича, Андрей Яковлевич Чермой и Андрей Степанович Самарин, и его

²¹ ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 218.

²² Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. 1948. Вып. 27. С. 279.

²³ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 283.

²⁴ ДДГ. С. 414. № 99.

²⁵ Чернов С. З. Волок Ламский... С. 191–192.

²⁶ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою... С. 70.

²⁷ В данном случае аргументация инока Арсения носила не только и не столько формальный характер, но основывалась на канонических презумпциях. «Два правила монахам», известные из Кормчих, не одобряют общения иноков с оставшимися в миру родственниками (Смирнов С. И. Древнерусский духовник. Исследование из истории церковного быта. М., 1913. С. 38, 299–309 второй пагинации). Эти установления, судя по всему, были прекрасно известны в Иосифо-Волоколамском монастыре, во всяком случае встречаются в одном из монастырских сборничков рубежа XV–XVI вв. под заголовком «От русских правил»: «Аще чернец постригся, а не идет от рода своего, не венчается. Аще чернец бежит роду своего, то к Богу прибегает. Аще чернец приходит к роду своему, Бог от него бежит» (ГИМ. Епарх. 358. Л. 371).

²⁸ АФЗХ. Ч. 2. С. 59–60. № 60; с. 91. № 96.

четвероюродные братья, Андрей Фомич, сын Фомы Ивановича, который был боярином князя Бориса Васильевича Волоцкого, Андрей Александрович Рубцов и Андрей Михайлович Тушин, родной брат кирилловского старца Гурия (в миру Григория) Тушина²⁹. Не исключено, что повесть «О преставлении благоверного и христоролюбивого князя Дмитрия Ивановича Углицкого» могла упоминать любого из них, тем более, о их служебном положении известий почти не сохранилось. Исключение составляет лишь Андрей Александрович Рубцов. Его отец, Александр Васильевич, «был боярином новгородского владыки Макария. Через эту службу и связь с Макарием, позже митрополитом, попал в думу великого князя сын Александра, Андрей Александрович, единственный из Квашниных в думе великого князя. Он пожалован в окольничие в 1548 г., и в конце того же года царь Иван послал его к митрополиту Макарию с приглашением на совещание о походе на Казань. В 1556 г. он упоминается в чине окольничего и дмитровского дворецкого. В 1559 г., “в глубокой старости”, пожалован, отставлен от службы и отпущен постричься в Кириллове монастыре»³⁰. По всей вероятности, продвижение Андрея Александровича по служебной лестнице, если связывать его с Макарием, возведенным на кафедру в марте 1526 г.³¹, началось не раньше этого времени. Впрочем, надо признать, что неполнота сохранившихся свидетельств не позволяет дать однозначный ответ на этот вопрос.

Но все же особа Андрея Даниловича в данном случае выглядит предпочтительней. Дело в том, что отношения между Василием III и его младшим братом Дмитрием Ивановичем к началу 20-х гг. XVI в. переживали не лучшие времена. Разбирая деятельность князя Дмитрия Ивановича, А. А. Зимин отметил, «что около 1520 г. с ним по поручению Василия III вел беседу Шигон Поджогин, так как князь Дмитрий говорил какие-то “недозволенные речи” о великом князе»³². В «наказе», который от лица великого князя Иван Юрьевич Шигон «наедине» представил его младшему брату, речь идет о каких-то провинностях углицкого князя «в Козельских делах»³³. Попытка князя Дмитрия объяснить свои действия, отправив посланца в Москву, вызвала еще больший гнев «державного»: «А ныне еси, брат наш, того большы нам непригоже учинил, прислал еси к нам паробка такого, какого было тебе паробка к нам непригоже посылати...»³⁴.

Последний факт, очевидно, свидетельствует в пользу того, что накануне кончины удельного князя Дмитрия Ивановича Жилки из Углича в столицу вряд ли бы отправили вестника, статус которого мог вызвать раздражение Василия III: скорее, это был человек, который был вхож к великому князю. И рассказ Саввы Черного о визите инок Арсения Квашнина к великокняжескому двору в целом подтверждает возможность того, что из Углича был послан боярин Андрей Данилович Квашнин. Но если последний находился при удельном князе и в то же время был близок великому князю, нужно задаться вопросом о его положении. Возможно, Андрей Данилович Квашнин

²⁹ Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского... С. 103–105.

³⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев... С. 268.

³¹ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. СПб., 1904. С. 45.

³² Зимин А. А. Удельные князья и их дворы... С. 166.

³³ Поскольку в «наказе» речь шла о «козельских делах», можно предположить, что относились они к концу 1510-х гг., когда, по замечанию С. М. Каштанова, «вследствие тяжелой болезни (или заключения?), а затем смерти (25 июня 1518 г.) князя Семена Ивановича Калужского началась острая борьба за перераспределение земель между Василием III и удельными князьями» (Каштанов С. М. Из истории последних уделов // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1957. Т. 10. С. 293–294).

³⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841. № 291. С. 531.

был введен в окружение удельного князя Дмитрия Углицкого по воле великого князя вследствие конфликта рубежа 10-х — 20-х гг. XVI в. Здесь уместно вспомнить, какой исход имел демарш другого младшего брата Василия III, князя Семена Ивановича, попытавшегося в начале 1511 г. бежать в Литву. Предприятие это успеха не имело, благодаря заступничеству митр. Симона великий князь простил брата, при этом, как свидетельствует летопись, «людей его и бояр и детей боярских всех переменял»³⁵. Разумеется, инцидент с князем Дмитрием Жилкой по своему значению и последствиям едва ли мог сравниться с событиями января 1511 г., но, очевидно, его результатом стал рост взаимного недоверия между Москвой и Угличем — в этих условиях Василий III мог ввести своих доверенных лиц в состав удельного двора Дмитрия Жилки, одним из которых, возможно, был Невежа Квашнин.

К тому же в грамоте, отправленной митр. Даниилом в Иосифов монастырь в 1525 г. по завершении соборного суда над Максимом Греком, третьим среди наиболее авторитетных старцев обители, после Кассиана Босого, Ионы Головы, назван Арсений³⁶. Весьма вероятно, это был Невежа, поскольку князя-инока Арсения Голенина к тому времени не было в живых: согласно свидетельству третьей редакции минейного Жития Иосифа Волоцкого, перед кончиной князь-инок получал напутствие от игумена Даниила³⁷. Но Даниил был возведен на митрополичью кафедру 27 февраля 1522 г.³⁸, следовательно, Голенин скончался до этой даты. И если принять гипотезу о службе Невежи Квашнина в Углицком уделе до 13 февраля 1521 г. и факт его пострига при игумене Данииле, совершенно очевидно, что боярин Андрей Данилович мог стать иноком Арсением в промежутке между указанными датами. Вероятно, вскоре после того он отправился на Белоозеро, поскольку старец Гурий Тушин, живший в Кириллове в то время, скончался 8 июля 1526 г.³⁹ — соответственно, после того появиться на Белоозере Невежа никак не мог.

Таким образом, постриг и события, на которых акцентировали внимание Савва Черный и Досифей Топорков, рассказывая об иноке Арсении, по всей вероятности, произошли в первой половине 20-х гг. XVI в. Досифей Топорков упоминает, что Андрей Данилович «оставил жену и дети и пострижися в обители» на Волоке⁴⁰. Монастырская Вкладная книга середины 1550-х гг. содержит запись о земельных пожалованиях Арсения Невежи, в которой упоминается его супруга: «Поминание Арсения Невежино. Инока Иакинфа. Иноки Наталии. Инока Арсения. Сих поминати, доколе манастырь Пречистые стоит, ис повседневнаго поминания не выгладити. Да быти по Арсении корму малому от году до году генваря 16. А дал на то Арсений селцо Темниково с луги и з деревняю с Лучниковым. Да после дал по своей жене иноке Иулите деревню Рязаново в селе Мамошине». Запись правилась переписчиком: в ней зачеркнуто слово «двема», а следующие слова «кормом малым» исправлены на «корму малому»; после

³⁵ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 13.

³⁶ Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки. М., 1971. С. 121.

³⁷ ГИМ. Барс. 774. Л. 51 об.; РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Л. 104–104 об.

³⁸ В литературе можно встретить точку зрения, что смерть князя Дмитрия Ивановича Жилки произошла в результате отравления, за которым мог стоять как великий князь Василий III, так и конфликтовавший с ним его младший брат, удельный князь Юрий Иванович Дмитровский (Иглесиас Р. Ф. К вопросу о предполагаемом наследнике Василия III между 1505 и 1530 гг. // Каптеревские чтения. Вып. 14. М., 2016. С. 294). Если рассматривать эту версию всерьез, роль Андрея Квашнина в тех событиях может быть совершенно неожиданной, как и причины его последующего пострига. Но делать такие выводы на основании фрагментарно сохранившихся источников следует максимально осторожно.

³⁹ Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Вып. V. М., Л., 1950. С. 29.

⁴⁰ Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому... С. 178.

слов «от году до году» затерто «июня (неразб.) да»⁴¹. Следовательно, два заупокойных корма по иноку Арсению в середине 1550-х гг. были заменены одним ежегодным кормовым поминанием. Правленная запись пришла на смену статье в ранней Вкладной книге, где, как было отмечено выше, предусматривалось два корма по родителям Невежи, иноку Иакинфу и инокине Наталии, а также отсутствовало упоминание о передаче монастырю деревни Рязаново на помин души его супруги, инокини Улиты, можно высказать догадку, что последний вклад был приурочен к постригу Андрея Даниловича, за которым, очевидно, должен был последовать и постриг его жены, мирское имя которой осталось неизвестным. К моменту же внесения записи во Вкладную книгу середины 1550-х гг. все упомянутые особы давно скончались.

Вероятно, редактирование записи Вкладной книги о пожалованиях Невежи Квашнина было связано с пересмотром размера платы за кормовое поминание — разумеется, в сторону увеличения. Это подтверждает наблюдение С. Б. Веселовского о том, что представители рода Квашниных отнюдь не были состоятельными, а стоимость их вотчин, вложенных на помин души, оценивалась весьма скромно, и в изменившихся условиях второй половины XVI в. ее едва хватало на поддержание кормового поминовения.

Впрочем, сохранился еще один касающийся поминальных практик источник, на который, правда, прежде не обращали внимания; особая ценность его в том, что составлен он был при жизни инок Арсения Невежи. Это — Обиходник Иосифо-Волоколамского монастыря из сборника-конволюта инок Ануфрия Исакова, ученика известного волоколамского старца Дионисия Звенигородского, ныне — РГБ. Ф. 113. № 577 (далее — Вол. 577). Рукопись хорошо известна благодаря своему составу. Г. М. Прохоров обращался к сборнику при изучении посланий Нила Сорского, которые читаются на лл. 1–22 об. Исследователь датировал их рубежом XV–XVI вв., отметив, что иные части сборного манускрипта «более позднего, судя по филиграммам, происхождения, но — не позже второго десятилетия XVI в.»⁴². А. И. Плигузов в своих разысканиях относительно монастырского летописчика также обращался к Вол. 577, поскольку сборник содержит единственный список Пространной редакции этого памятника. «Как следует из анализа филиграней, — отметил историк, — сборник Ануфрия Исакова... был переплетен в 40-х годах XVI в., но по бумаге его можно датировать концом 20-х годов XVI в.»⁴³.

Обиходник переписан на лл. 298 об. — 301 рукописи, сразу вслед за летописными статьями и припиской Ануфрия о кончине его духовного наставника, старца Дионисия, озаглавлен как «Память благоверных князей и княгинь и всех православных христиан о кормех, которого месяца и в какое число корму быти», и состоит из двух частей: собственного кормового списка и устава о квасе на монастырских трапезах⁴⁴.

⁴¹ ГИМ. Епарх. 419. Л. 28 об. Кроме земельных дач, инок Арсений Невежа вложил в Волоколамский монастырь «2 иконы на золоте, праздники, ядници малые», что известно из описи монастырского имущества 1545 г. (Три описи Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. СПб., 2014. С. 36 (л. 13 об.)).

⁴² Прохоров Г. М. Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. 1974. Т. XXIX. С. 130.

⁴³ Плигузов А. И. Летописчик Иосифа Санина... С. 180.

⁴⁴ Очевидно, записи о кормах и устав о квасе на трапезах в Вол. 577 взаимосвязаны и представляют собой ранний вариант именно Обиходника. Позже Евфимий Турков соединил обе части, расположив статьи о поминальных кормах вперемежку с записями об организации монастырского стола в постные и праздничные дни согласно месящеслову. Так, например, статье под 16 января, когда совершался заупокойный корм «меньшей» по иноку Арсению Невеже и старцу Макарию Оладье, предшествует обширная запись относительно монастырского распорядка в праздник Богоявления 6 января, когда полагался «корм большей» и «квас медян» (ГИМ. Син. 829. Л. 73–74).

Кормовые поминовения расписаны по календарю, начиная с 1 сентября, когда совершался корм по князе Симеоне Бельском, и заканчивая 28 августа, когда полагалось помянуть Вассиана Санина, архиепископа Ростовского и брата прп. Иосифа Волоцкого. В целом перечень особ в списке совпадает с тем, что содержится в древнейшей Вкладной книге, с тремя прибавлениями. Первое связано с заупокойным кормом по удельном князе Дмитриии Ивановиче Жилке, который скончался, как было отмечено выше, в феврале 1521 г., а в июне 1522 г. на помин его души Василий III вложил в Иосифов монастырь село Фаустову Гору в Зубцовском уезде⁴⁵. Второе — это приуроченный к 1 октября корм по владыке Геннадии Суздальском; согласно летописи, он преставился 23 марта 1531 г.⁴⁶ — и, следовательно, список не мог быть составлен ранее этой даты. Третий момент — записи о кормах по родителям Арсения Невежи, иноке Иакинфе и инокине Наталии, под 16 января и 31 июля. Статья же о дачах Андрея Даниловича в древнейшей Вкладной книге хотя и содержала упоминание о двух кормах, конкретных дат их не приводила. Не значит ли это, что в то время, когда Невежа пожаловал в Иосифов сельцо Темниково и деревню Лучниково, его родители, приняв постриг, были еще живы? Ответить на этот вопрос вряд ли получится, но совершенно очевидно, что в момент составления кормового списка начала 1530-х гг. инок Арсений еще подвизался на Волоке. А учитывая отсутствие в списке корма по великом князе Василии III, в иночестве Варлааме, который в позднейшем Обиходнике приурочен к дате его кончины, 4 декабря 1533 г.⁴⁷, можно предположить, что инок Арсений Квашнин скончался приблизительно в то же время.

Этот вывод косвенно подтверждается свидетельством Саввы Черного, который, завершая рассказ о Невеже, сообщил, что «и по 10 летех преставления его обретохом тело его ничим не вредимо, ни паки ризе его тление, но яко вчера погребен бысть»⁴⁸. Поскольку агиограф приступил к составлению жизнеописания Иосифа Санина, в который вошла повесть об Арсении Квашнине, тридцать лет спустя по кончине волоцкого первоигумена⁴⁹, то есть не ранее 1545 г., можно предположить, что, если останки Невежи были потревожены в это время или ранее, то скончался он не позже середины 30-х гг. XVI в. Эта версия известна⁵⁰, но она не учитывает двух факторов.

Первый фактор связан с разысканиями И. Э. Иванова. Изучив художественные особенности текста Саввы, он пришел к заключению, что указание на число лет, прошедших от преставления прп. Иосифа Волоцкого до того момента, как Савва Черный приступил к работе над Житием, имеет скорее символический смысл. Поэтому, вероятно, «не стоит считать 1545–1546 гг. точной датой создания памятника... Житие могло быть составлено и несколькими годами позже»⁵¹. В таком случае, очевидно, дату кончины Арсения Невежи следует отнести самое позднее ко второй половине

⁴⁵ АФЗХ. Ч. 2. С. 83–85. № 87.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 58. Запись о епископе Геннадии во Вкладной книге Волоколамского монастыря содержит известия о его пожалованиях, предписание помянуть самого владыку и его родителей, инока Александра и Евдокию, совершать поминальный корм на «память великомученика Григория Великия Армении» (ГИМ. Епарх. 419. Л. 41–41 об.), то есть, по всей вероятности, в день празднования святому, в честь которого было выбрано мирское имя будущего владыки.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 76; ГИМ. Син. 829. Л. 65–65 об.

⁴⁸ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою... С. 72.

⁴⁹ Там же. С. 2.

⁵⁰ Казаков А. А. Иосиф Волоцкий: от агиографического повествования к научной биографии. М., СПб., 2022. С. 37.

⁵¹ Иванов И. Э. Тернарные структуры в минейном Житии Иосифа Волоцкого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 4. С. 71–72.

1530-х гг. Второй фактор связан с теми причинами, которые вынудили волоколамских иноков раскопать погребение Арсения: этот прецедент мог быть связан с возведением каких-либо построек в обители, в результате чего менялись границы существовавших некрополей⁵². По наблюдениям А. А. Зимина, в 1543 г. в монастыре было начато строительство каменной ограды, на возведение которой «была истрачена громадная сумма — 2745 рублей»⁵³. По всей вероятности, основным источником известий о строительстве была для исследователя монастырская Вкладная книга, в которую записывались крупные (больше 50 рублей) денежные дачи и указывались цели, на которые тратились. Одним из наиболее ранних датированных вкладов стали 50 рублей, вложенные в 7051 (1542/43) г. князем Михаилом Ивановичем Кубенским, которые были израсходованы на строительство укрепленных стен⁵⁴. Очевидно, в это время работы были уже начаты, поэтому можно предположить, что некоторые захоронения, среди которых, вероятно, и могила инок Арсения Квашнина, были потревожены, а его останки перезахоронены «у предних дверей церковных от ворот», что было зафиксировано в Обиходнике Евфимия Туркова⁵⁵. И поскольку работы были начаты в первой половине 40-х гг., руководствуясь свидетельством Саввы и известиями из раннего Обиходника, кончину Невежи можно отнести к первой половине 30-х гг. XVI в., позже конца марта 1531 г.⁵⁶

Таким образом, несмотря на неполноту сохранившихся в источниках известий, наиболее заметные вехи биографии Андрея Даниловича Невежи Жохова Квашнина можно, по крайней мере, выстроить в хронологической последовательности. Его связи с Иосифо-Волоколамским монастырем, где он позже принял постриг, кажется, восходят к рубежу XV–XVI вв., когда он отписал обители часть своих вотчин. Подробности служилой биографии А. Д. Квашнина большей частью остаются неизвестными, но, судя по свидетельствам Саввы Черного, Василий III знал Невежу и относился к нему достаточно благожелательно. Постригся на Волоке Андрей Данилович, вероятно, не ранее рубежа второго и третьего десятилетий XVI в. и в это же время передал в обитель землю на помин души своей супруги. Если признать, что Невежа служил в уделе князя Дмитрия Ивановича Жилки, постриг следует отнести к самому началу 1520-х гг. Очевидно, прояснение сложного и интересного вопроса о связях Невежи с Углицким удельным двором еще ждет своего исследователя. Более уверенно можно говорить о том, что в начале 1530-х гг. Невежа все еще проживал в Иосифовой обители. По всей вероятности, инок Арсений формально не принимал участия в управлении монастырем — во всяком случае, свидетельств тому не сохранилось, но, как можно предположить, пользовался некоторым влиянием, истоки которого были связаны с его мирскими связями, в первую очередь с великим князем, и мог позволить себе такой предосудительный шаг, как уход с Волока, места своего пострижения, в Кириллов монастырь. Как следует из рассказа Саввы, ни игумен, ни «большие» старцы Иосифова монастыря не имели

⁵² Схожим образом дело обстояло, по-видимому, и с открытием останков волоколамского инок Епифания Коровина Кутузова; см.: Казаков А. А. Иосиф Волоцкий... С. 112–113.

⁵³ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина... С. 55.

⁵⁴ ГИМ. Епарх. 419. Л. 56.

⁵⁵ ГИМ. Син. 829. Л. 74.

⁵⁶ Датировка, кстати, позволяет скорректировать время составления надгробного слова прп. Иосифу Волоцкому: прежде труд Досифея Топоркова мы отнесли к середине 1520-х гг. (Казаков А. А. Иосиф Волоцкий... С. 40). Но агиограф сообщает, что по исцелении у гроба прп. Иосифа инок Арсений «пребысть служа болным, и пищу и питье принося им и до кончины своея» (Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому... С. 179). Очевидно, упоминание о смерти Арсения не могло появиться в тексте ранее 1530-х гг.

возможности как-то смирить строптивного Арсения, а их увещевания были бездейственны: благословения на уход ему не дали, но и остановить не смогли. И лишь благодаря чудесному вмешательству самого прп. Иосифа Волоцкого, пораженный тяжким недугом Невежа вернулся к месту своего пострижения, где получил исцеление и прожил еще едва ли не десяток лет в смирении и покаянии. Кончина инок может быть отнесена ко времени не позже середины 30-х гг. XVI в., поскольку его останки, вероятно, были потревожены во время строительства крепостных стен Волоколамского монастыря в первой половине 1540-х гг. — во всяком случае, именно так можно интерпретировать сообщение Саввы Черного.

Очевидно, Арсений Невежа был не столь уж типичным насельником Волоколамского монастыря. Неизвестные детали его служилой биографии непосредственным образом сказались на его жизни в обители. Своеволие инок, впрочем, было чудесным образом наказано, что стало основой назидательных повествований, сохранившихся в жизнеописаниях прп. Иосифа Волоцкого.

Список сокращений

Барс. — собрание рукописей Е. В. Барсова
Епарх. — Епархиальное собрание рукописей
Син. — Синодальное собрание рукописей

Источники и литература

Источники

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841.
2. АФЗХ. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
3. ГИМ. Барс. 774. Агиографический сборник, нач. XVII в.
4. ГИМ. Епарх. 358. Сборник учительный, кон. XV в.
5. ГИМ. Епарх. 419. Вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря, вторая пол. XVI в.
6. ГИМ. Син. 829. Обиходник Евфимия Туркова, 70-е гг. XVI в.
7. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
8. Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким // ЧОЛДП. 1865. Кн. 2. Приложения. С. 1–76.
9. Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его Досифея Топоркова // ЧОЛДП. 1865. Кн. 2. Приложения. С. 153–180.
10. Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л.: Наука, 1991. С. 24–41.
11. ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. СПб., 1904.
12. ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921.
13. РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Житие Иосифа Волоцкого, XVII в.
14. РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1054. Сборник посланий, сер. XVI в.
15. РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 561. Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря, кон. XVI в.

16. РГБ. Ф. 113. № 577. Сборник-конволют, вторая четв. XVI в.
17. Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище, 2011. С. 10–170.
18. Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
19. Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки. М., 1971.
20. Три описи Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. СПб.: Реноме, 2014.

Литература

21. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969.
22. Дайкстра Т. Иноческие имена на Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М.: Индрик, 2007. С. 238–298.
23. Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. 1948. Вып. 27. С. 266–290.
24. Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Вып. V. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 3–39.
25. Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М.: Наука, 1977.
26. Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М.: Наука, 1977. С. 161–188.
27. Иванов И. Э. Тернарные структуры в минейном Житии Иосифа Волоцкого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 4. С. 63–81. DOI: 10.15393/j9.art.2023.13082
28. Иглесиас Р. Ф. К вопросу о предполагаемом наследнике Василия III между 1505 и 1530 гг. // Каптеревские чтения. Вып. 14. М., 2016. С. 246–296.
29. Казаков А. А. Иосиф Волоцкий: от агиографического повествования к научной биографии. М., СПб., 2022.
30. Казакова Н. А. Синодик Волоколамского монастыря // Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 342–357.
31. Каштанов С. М. Из истории последних уделов // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1957. Т. 10. С. 275–302.
32. Лурье Я. С. Заметки к истории публицистической литературы конца XV — первой половины XVI в. // ТОДРЛ. 1960. Т. XVI. С. 457–465.
33. Петров Д. А. Отражение в церковном строительстве 1510–1520-х гг. присоединения Василием III Пскова и Смоленска // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. Вып. 4 (24). С. 67–80. DOI: 10.15382/sturV201624.67–80
34. Плигузов А. И. Вторая редакция минейного жития Иосифа Волоцкого // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 29–55.
35. Плигузов А. И. Летописчик Иосифа Санина // Летописи и хроники. 1984 г. М.: Наука, 1984. С. 174–186.
36. Прохоров Г. М. Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. 1974. Т. XXIX. С. 125–143.
37. Смирнов С. И. Древнерусский духовник. Исследование из истории церковного быта. М., 1913.
38. Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.: Галерея, 1998.

Sources and References

Sources

1. *Akty feodal'nogo zemlevladieniia i khoziaistva* [The Charters of Feudal Landowning and Economy], part 2, ed. by A. A. Zimin. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 1956. (In Old-Russian)
2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu komissiei* [The Historical Charters Collected and Edited by the Archaeographical Commission], vol. 1. St. Petersburg, 1841. (In Old-Russian)
3. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei 14–16 vv.* [The Testament and Agreement Charters of Grand and Appanage Princes of 14th–16th cc.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1950. (In Old-Russian)
4. Nadgrobnoe slovo prepodobnomu Iosifu Volokolamskomu uchenika i srodnika ego Dosifeia Toporkova [The Funeral Speech about Joseph of Volokolamsk by His Disciple and Kinsman Dositheus Toporkov]. *Chteniia v Obshchestve liubitelei dukhovnogo prosveshcheniia*, 1865, no. 2, additions, p. 153–180. (In Old-Russian)
5. Opis' knig Iosifo-Volokolamskogo monastyria 1545 g. [The Inventory of Manuscripts of Joseph Volokolamsk Monastery of 1545]. *Knizhnye tseny Drevnei Rusi. Iosifo-Volokolamskii monastyr' kak tsentr knizhnosti*. Leningrad, Nauka Publ., 1991, p. 24–41. (In Old-Russian)
6. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 13, part. 1. St. Petersburg, 1904. (In Old-Russian)
7. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 24. Petrograd, 1921. (In Old-Russian)
8. Rodoslovnaia kniga po spisku kniazia M. A. Obolenskogo [The Genealogical Book in Copy of Prince M. A. Obolensky]. *Pamiatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviia* [The Historical Writings of Russian Service Class]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2011, p. 10–170. (In Old-Russian)
9. Russian State Archive of Old Charters. F. 181, inv. 9, no. 841. (In Old-Russian)
10. Russian State Archive of Old Charters. F. 196, inv. 1, no. 1054. (In Old-Russian)
11. Russian State Archive of Old Charters. F. 1192, inv. 2, no. 561. (In Old-Russian)
12. Russian State Library. F. 113, no. 577. (In Old-Russian)
13. *Sinodik Iosifo-Volokolamskogo monastyria (1479–1510-e gody)* [The Synodicon of Joseph Volokolamsk Monastery, 1479–1510s]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004. (In Old-Russian)
14. State Historical Museum. Ye. V. Barsov Collection, no. 774. (In Old-Russian)
15. State Historical Museum. Eparchial Collection, no. 358. (In Old-Russian)
16. State Historical Museum. Eparchial Collection, no. 419. (In Old-Russian)
17. State Historical Museum. Synodal Collection, no. 829. (In Old-Russian)
18. *Sudnye spiski Maksima Greka i Isaka Sobaki* [The Trial Lists of Maximus the Greek and Isaak Sobaka]. Moscow, 1971. (In Old-Russian)
19. *Tri opisi Iosifo-Volokolamskogo monastyria 16 veka* [Three Inventories of Joseph Volokolamsk Monastery of 16th Century]. St. Petersburg, Renome Publ., 2014. (In Old-Russian)
20. *Zhitie prepodobnogo Iosifa Volokolamskogo, sostavlennoe Savvoiu, episkopom Krutitskim* [The Life of Venerable Father Joseph of Volokolamsk Wrotten by Sabba, Archbishop of Krytitsy]. *Chteniia v Obshchestve liubitelei dukhovnogo prosveshcheniia*, 1865, no. 2, additions, p. 1–76. (In Old-Russian)

References

21. Chernov S. Z. *Volok Lamskii v 14 — pervoi polovine 16 v. Struktury zemlevladieniia i formirovanie voenno-sluzhiloi korporatsii* [Volok Lamsky in 14th — thirteenth half of 16th c., landowning structure and military service corporation's formation]. Moscow, Galeria Publ., 1998. (In Russian)

22. Daikstra T. Inocheskie imena na Rusi i problemy identifikatsii ikh obladatelei (na materiale istochnikov Iosifo-Volokolamskogo monastyria, 1479–1607) [The Monks Names in Old Russia and the Problems of Identification of their Owners (by the sources from Joseph Volokolamsk Monastery, 1479–1607)]. *Imenoslov. Istoricheskaja semantika imeni*, issue 2. Moscow, Indrik Publ., 2007, p. 238–298. (In Russian)

23. Iglesias R. F. K voprosu o predpolagaemom naslednike Vasilija III mezhdru 1505 i 1530 gg. [On the presumptive heir of Vasily III between 1505 and 1530]. *Kapterevskie chteniia*, issue 14. Moscow, 2016, p. 246–296. (In Russian)

24. Ivanov I. E. Ternarnye struktury v mineinom Zhitii Iosifa Volotskogo [Ternary Structures of the Life of Joseph Volotsky]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2023, vol. 21, no. 4, p. 63–81. DOI: 10.15393/j9.art.2023.13082 (In Russian)

25. Kashtanov S. M. Iz istorii poslednikh udelov [On the History of the Last Appanage Principalities]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta*, 1957, vol. 10, p. 275–302. (in Russian)

26. Kazakov A. A. *Iosif Volotskii: ot agiograficheskogo povestvovaniia k nauchnoi biografii* [Joseph Volosky: from hagiographic narrative to scientific biography]. Moscow, St. Petersburg, 2022. (In Russian)

27. Kazakova N. A. Sinodik Volokolamskogo monastyria [The Synodicon of Volokolamsk Monastery]. In.: Kazakova N. A. *Vassian Patrikeev i ego sochineniia*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1960, p. 342–357. (In Russian)

28. Lur'e Ia. S. Zametki k istorii publitsisticheskoi literatury kontsa 15 – pervoi poloviny 16 v. [Notes on the history of public literature from the late 15th – first half of the 16th century]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1960, vol. 16, p. 457–465. (In Russian)

29. Petrov D. A. Otrazhenie v tserkovnom stroitel'stve 1510–1520-kh gg. prisoedineniia Vasiliem III Pskova i Smolenska [The Church Building in 1510–1520s as the Reflection of Accession of Pskov and Smolensk by Vasily III]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta = The Herald of Orthodox St. Tikhon University for the Humanities*, series 5: The Problems of Christian Art, 2016, no. 4 (24), p. 67–80. DOI: 10.15382/sturV201624.67–80 (In Russian)

30. Pliguzov A. I. Letopisichik Iosifa Sanina [The Short Chronicle of Joseph Sanin]. *Letopisi i khroniki*, 1984. Moscow, Nauka Publ., 1984, p. 174–186. (In Russian)

31. Pliguzov A. I. Vtoraia redaktsiia mineinogo Zhitii Iosifa Volotskogo [The Second Redaction of Menology Life of Joseph of Volokolamsk]. *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii SSSR dooktiabr'skogo perioda*. Moscow, 1984, p. 29–55. (In Russian)

32. Prokhorov G. M. Poslaniia Nila Sorskogo [The Epistles of Nil Sorsky]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1974, vol. 29, p. 125–143. (In Russian)

33. Smirnov S. I. *Drevnerusskii dukhovnik. Issledovanie iz istorii tserkovnogo bytia* [The Old Russian Confessor. The Study of Church History Being]. Moscow, 1913. (In Russian)

34. Veselovskii S. B. *Issledovaniia po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [The Studies on the History of Service Landowners Class]. Moscow, Nauka Publ., 1969. (In Russian)

35. Zimin A. A. Kniazheskie dukhovnye gramoty nachala 16 v. [The Princes Testaments of the Early of 16th c.]. *Istoricheskie zapiski*, 1948, vol. 27, p. 266–290. (In Russian)

36. Zimin A. A. Kratkie letopistsy 15–16 vv. [The Short Chronicles of 15th–16th cc.]. *Istoricheskii arkhiv*, issue 5. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1950, p. 3–39. (In Russian)

37. Zimin A. A. *Krupnaia feodal'naia votchina i sotsial'no-politicheskaja bor'ba v Rossii (konets 15–16 v.)* [The large feudal landowning and socio-political struggle in Russia, the late 15th c. – 16th c.]. Moscow, Nauka Publ., 1977. (In Russian)

38. Zimin A. A. Udel'nye kniaz'ia i ikh dvory vo vtoroi polovine 15 i pervoi polovine 16 v. [The Appanages Princes and their Courts in the Second Half of 15th c. and the First Half of 16th c.]. *Istoriia i genealogiia. S. B. Veselovskii i problemy istoriko-genealogicheskikh issledovanii*. Moscow, Nauka Publ., 1977, p. 161–188. (In Russian)